

ИМИДЖ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*В обсуждении приняли участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **В.А.Луков**, доктор философских наук **В.К.Кантор**.*

*Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П.С.Гуревич**.*

Гуревич П. В VII веке до н.э. в Афинах разразился кризис. В чем-то он был похож на нынешний. Упадок охватил многие сферы жизни — финансы, право, политику. Мало кто видел возможный выход из этой катастрофы. Возникла смута, начались распри. И тогда в 594 году до н.э. призвали к власти Солон.

Этот человек к тому времени был уже известным поэтом. Он быстро приобрел популярность среди граждан. Но с чего начал этот правитель? С попыток придать родному городу своеобразное величие. Сегодня мы сказали бы — с создания имиджа Афин. Избранный архонтом, высшим должностным лицом, он был наделен чрезвычайными полномочиями. Это позволило ему провести свои знаменитые законы. В частности, запрещалось брать в долг без письменного договора. Были прощены многие должники, которые находились в кабале из-за неуплаты долгов; строго определены обязанности национального собрания. Поощрялись также ремесла и торговля, упразднялись некоторые привилегии родовой аристократии.

В ту эпоху многие были убеждены в том, что судьба каждого человека, как и всего человечества, находится в руках Бога. Фактически люди в Афинах не надеялись на улучшение своей участи. Кто мог остановить хаос и произвол? Солон во многом противостоял общественному сознанию своего времени. Ведь он пытался доказать, что умеренность и честь составляют основу общественной жизни. Солон убеждал сограждан в том, что никто и никогда не должен забывать о том, какое он производит впечатление на других, на чужеземцев. Может быть, он пытался приукрасить тот образ жизни, который сложился в Афинах? Ничего подобного. В его поэтических строчках говорилось о том, что поэт не смеет читать проповеди или рваться к власти. Его слово должно отражать ту реальность, которая есть, без прикрас. Но ведь жизнь можно изменить...

Когда благодаря Солону кризис в Афинах был преодолен, его отстранили от власти. Отвергли и предложенную им конституцию. Между тем Солон, по сути дела, предложил новую модель цивилизации и личности. Оставляю на ваше усмотрение все аналогии, которые могут возникать из моего предваряющего слова. Но в связи со сказанным хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Как можно охарактеризовать современный имидж России: положительный — отрицательный, ясный — неясный, обозначенный — необозначенный.

2. К чему сводятся усилия власти — «быть демократической страной или казаться ею»?

3. Что определяет имидж современной России?

4. Есть ли традиции, на которые можно опереться при создании имиджа России?

5. Что можно сделать для «облагораживания» образа России?

1. Каков современный имидж России?

Луков В. На мой взгляд, рискованно сказать — «он положительный». Или, наоборот, утвердиться в мысли, что он, увы, отрицательный. В той же мере, полагаю, нет оснований говорить об имидже как о ясном или неясном, обозначенном или необозначенном. О русском народе можно говорить как о великом. Но относится ли такая характеристика к современному государству в нашей стране? Когда иностранцы говорят о Достоевском или Толстом, они имеют в виду четко обозначенную духовность. Они понимают ее несколько иначе, чем то, что хорошо видно в экранизациях и театральных постановках, нередко вызывающих у нас улыбку или раздражение. Тем не менее, здесь они стремятся нас понять и даже приподняться до русских культурных вершин. Подобным образом происходит в пресловутой «области балета»: французский телеканал «Mezzo» своим приоритетом имеет русский балет. В почете русские художники-авангардисты.

В общем, это большое достижение, но достижение позапрошлого века, которое в узкой зоне современной культуры остается незыблемым и не зависящим от политической конъюнктуры? Но в какой степени выражает имидж нашей страны современная попса? В мире многое знают о России, но еще больше мыслят о ней на основе стойких стереотипов. Когда русский философ Павел Александрович Флоренский размышлял о символе, он противопоставлял ему конкретное в качестве понятия. Определенность не устраняет символ. Имидж выражает определенный уровень понимания. Далее предстоит высвободить его скрытое содержание, позволяющее вычитать более глубокий смысл, заключенный в нем. Поэтому прежде чем ответить на ваш вопрос, надо уточнить, что сегодня подлежит обсуждению?

Гуревич П. Тогда, может быть, начнем с конкретного. Создана Комиссия при президенте по формированию международного имиджа страны. Это как: актуально — неактуально? Ведь имидж включает в себе огромный практический смысл. В нем не только политические дивиденды, но даже и экономический эффект. Ни одно государство не станет вкладывать капитал в экономику той страны, которая не вызывает уважения или доверия. Невозможно извлечь и политические выгоды, если страна не пользуется признанием. Стратегически важно, будут ли нас оценивать как великую державу или как колониальную страну. Но, с другой стороны, создание имиджа — не сооружение архитектурного завитка на фронтоне неустойчивого здания. Наши властители, судя по всему, полагают, что авторитет страны поддерживается грозными высказываниями, жесткой позицией по конкретному

международному вопросу или прямолинейными идеологическими акциями. Поэтому, увы, привлекательный образ России в мировом общественном сознании сегодня не просматривается. Вооруженный конфликт с Грузией не принес стране дивиденды. Американские идеологические службы внедрились в общественное сознание идею очередной российской агрессии. Польша, Украина тоже используют любой повод, чтобы демонизировать образ России. Отношения с братской Белоруссией напоминают коммунальные разборки. Как быть?

Луков В. Конечно, здесь есть возможность создавать образ страны для мира, используя технологии манипулирования общественным сознанием. Это уже хорошо разработанные схемы воздействия. Но если только к этому сводится весь вопрос, то обсуждать его философию вряд ли нужно: заказ не обсуждается. Нам интересно говорить на тему имиджа лишь в том случае, если мы хотим, чтобы образ страны не отрывался от ее действительных качеств и отражал живую Россию с ее проблемами и стремлениями решить их. Прежде чем конструировать международный имидж, надо осознать, какой он для нас самих, для народов России, что мы хотим предъявить мировому общественному мнению — некий привлекательный образ страны или ее реальность, хотя бы даже и с постоянным напоминанием, что темные стороны в ней — не вся реальность, как у любой другой страны?

В последнее время много говорится о том, как должна выглядеть наша страна, какие достижения в ней возможны. Толкуем об идеальном социальном устройстве. Но не очень понятно, как до него добраться и на чем. Лермонтовский Демон обещал Тамаре «сны золотые навевать». Актуально ли такое стремление в международном масштабе: Достославное предсказание графа Бенкендорфа, который отвечал при императоре Николае I за тайную полицию и за идеологию: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно; что касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать самое смелое воображение». Мы снова с этим хотим идти к миру?

Гуревич П. А нужен ли нам вообще привлекательный образ России с учетом новых реальностей? Я говорю это, разумеется, с провокативной целью. В мире происходят грандиозные перемены. Кризис заставил многие государства отбросить в сторону маски благородства и демократии. Цинизм политиков обнаружился весьма отчетливо при обсуждении тайн, связанных с пактом Молотова-Риббентропа. Хотели найти злодеев, а оказалось, что от раскрытия секретов не выиграло ни одно государство. Каждая страна преследовала свои интересы, но при этом были все, что называется, хороши. Сейчас не до игры в привлекательные идеалы. Надо ухватить сырьевые ресурсы, территории. За право обладать пресными источниками будут идти войны. Уже через 20 лет, если не раньше, начнутся войны. Нехватка воды будет ощущаться в Китае, Бангладеш и Пакистане — эти страны попытаются контролировать источники водных ресурсов. Обнаружены запасы нефти и газа в Северном Ледовитом океане.

Недавно в журнале «Science» была опубликована карта запасов нефти и газа в Арктике. На ее составление группе сотрудников Американской

геологической службы понадобилось пять лет. Оказалось, что в арктическом бассейне содержится 13% мировых запасов нефти — это меньше, чем считалось раньше. А газа тут — 30%. Причем почти все месторождения сосредоточены на мелководье и доступны для разработки. Что же касается нефти, то ее количество, примерно 10 млрд. тонн, невелико. Грядут немыслимые энергетические войны. Может быть, в новых условиях устрашающий имидж более прагматичен? Как насчет новой «империи зла»?

Кантор В. Ход мысли понятен, хотя и обескураживает. Но мне кажется, дикость и варварство все равно будут маскироваться. Цивилизованность — товар, который неплохо котируется на международном рынке.

Гуревич П. Хотел бы к этому добавить, что в наши дни события на международной арене определяются не только сильными государствами. Обнаружился совершенно неожиданный ход событий. Порой небольшое государство, к примеру, Грузия, способно влиять на мировое общественное мнение не меньше, чем какое-нибудь мощное государство, допустим, США или Китай. Это новая реальность. Маленькая страна теперь может манипулировать общественным мнением. И вот для этого как раз нужны не циничные действия, а некий идеологический камуфляж.

Луков В. Солон был, безусловно, прав, когда убеждал своих сограждан, что никто и никогда не должен забывать о том, какое он производит впечатление на других, на чужеземцев. Но прежде чем конструировать международный имидж, надо осознать, каков он внутри страны.

Гуревич П. Когда невесту выдают замуж, сначала пытаются убедиться в ее достоинствах и недостатках. Что мы хотим предъявить мировому общественному мнению — некий привлекательный образ страны или ее подлинную идентичность? Зарубежные политики отлично видят угрозы национальной безопасности страны и хотят использовать наши откровенные провалы в общественной жизни. Ведь не секрет, что у нас ни одна государственная структура не выполняет свои прямые функции в полной мере. Объявляя смертельную войну коррупции, президент назначает на должность губернаторов людей, за которыми тянется длинный шлейф криминальных обвинений. Прокуратура сражается со Следственным комитетом вместо того, чтобы следить за законностью. Милиция не защищает граждан, а карает их. Государственная Дума принимает законы, которые выгодны элите, а не народу. Губернаторы не пытаются поднять экономику края, а расстреливают редких баранов с вертолетов. Это похоже на системный кризис государственной власти. Поэтому у многих соседних стран возникает искушение присвоить себе часть нашей территории, завладеть нашими ресурсами, зерновым рынком, завалить Россию ядерными отходами или генетически модифицированными продуктами.

Кантор В. Сегодняшние газеты читать жутковато, слушать речи политиков и журналистов тоже. Все о том же: Россия потеряла себя, России навязывают чуждую систему ценностей, Россия находится на пороге смуты, Россиюзлые силы хотят превратить в Запад, а между тем, русский народ хочет жить свойственным ему образом. Прямо апокалипсис какой-то.

Луков В. Согласен в том смысле, что для сотворения имиджа требуется позитив. Нельзя выработать устойчивый образ страны на одних кладбищенских прогнозах или мрачных заклинаниях. Но ведь в результате мирового кризиса представление о России в современном мире значительно ухудшилось. Появились другие критерии для оценки той или иной державы. И один из них, несомненно — способность тех или иных государств выйти из создавшейся катастрофы с наименьшими издержками. Но здесь наша страна не имеет особых приоритетов. Есть все основания полагать, что мы выйдем из кризиса в числе не самых успешных стран. Да, стереотипы меняются. Образ агрессивной державы, несущей угрозу всему миру, столь непоколебимый в период «холодной войны», теперь замещается другим трафаретом — «кроважидный медведь-монстр». Нас осуждают сегодня за непомерные амбиции, за нецивилизованность, за непредсказуемость. Хочется возразить, но по существу нечем.

Мы пребываем в состоянии наркотического делириума. Утверждаем, хотя никто в мире так не считает, что Россия стала независимой и сильной. Толкуем о том, что за истекшие десять лет влияние державы на мировой процесс укрепилось. Цитируем, как мантру, слова В.В.Путина: «Руки России крепчают». Можно, конечно, обижаться на мир, который не видит наших усилий или превратно их толкует. Сергей Николаевич Бабурин на одном из «круглых столов» привел старую притчу насчет того, как выглядит Россия во внешней политике: «Вот лось — Россия стоит. И Европа — кролик, это образ европейский. Кролик подходит и смотрит. Подходит со стороны хвоста, видит могучие атрибуты самца и говорит: «Понятненько...». Подходит со стороны морды, видит ветвистые рога, говорит: «Непонятненько...» И так вот ходит и ходит. И — «понятненько», «непонятненько». И потенциал есть, но и рога такие, что извините, чего от нас ждать — непонятно во внешней политике...».

Вся проблема в том, что не только кролику-Европе, но и нам самим многое «непонятненько». У нас не было таких скандальных выборов в современной России, как те, что состоялись в октябре прошлого года. Идея суверенной демократии приказала долго жить. Задуманная ради укрепления стабильности общества, она обнаружила свой абсурдный смысл. Примитивизация политической системы, которая позволяет оценивать эффективность каждого губернатора, чиновника, политика по тому, удалось ли ему обеспечить нужный процент. Игнорирование политической незаинтересованности масс, социальной усталости, кризиса долготерпения — вот итоги этих событий. И не только в политике так обстоит дело. У нас трясет страну от открытого подрыва образовательной системы, организованного Министерством образования и науки при потворстве высших властей, но никакие возражения не принимаются в расчет. Так с этим ли строить положительный имидж России?

Гуревич П. Позорные по форме, эти выборы в местные органы власти, бесславное поведение оппозиции в оценке результатов политического мероприятия, а главное упорное желание «закрыть проблему», нанесли огромный ущерб престижу страны. Достаточно обратиться к зарубежным

источникам информации, чтобы убедиться в том, что эта тема по-прежнему служит поводом для комментариев, издевок, саркастических выводов. Смысл имиджа, понятное дело, рождается не за рубежом. Разумеется, нельзя игнорировать мировое общественное мнение. Но ведь идея суверенной демократии как раз и покоилась на соответствующем мотиве: никто не смеет указать нам, как нам строить народовластие. Но мы уже не рассматриваем как чрезвычайное событие очередное убийство политика, бизнесмена, адвоката. Борьба с коррупцией превратилась в фарс. Ни власть, ни суд, ни милиция не защищают каждого из нас. Цинизм становится нормой поведения. По-прежнему одна пятая часть населения жирует, а четыре пятых — еле сводят концы с концами.

Когда мы задаемся вопросом, каков современный имидж России, нам важно учесть: привлекательный образ страны невозможно соткать с помощью имиджевых технологий. Комиссия при президенте по формированию международного имиджа страны не способна изменить ситуацию в стране. Она может предложить лишь косметические усилия для сотворения привлекательного образа страны. Между тем, главная проблема в том, достаточно ли проведенных российских реформ для того, чтобы не дать возможности «реставраторам» катапультировать страну в прошлое? Вошла ли Россия невозвратно в число государств с европеизированной политической и экономической системой?

2. К чему сводятся усилия власти — «быть демократической страной или казаться ею»?

Луков В. Никто, судя по всему, не сомневается в том, что демократии в России стало меньше. Об этом сказал и Путин во время визита в Польшу. Он отметил, что у нас еще слабая политическая система и незрелый народ. Путин даже выразил готовность и дальше строить демократию, подчеркнув, что путь к демократии будет долгим. Вроде бы в этом заявлении все здраво и оптимистично. Огорчает только то, что эти слова не блещут новизной. То же самое говорит Мубарак в Египте, Каддафи в Ливии, Чавес в Венесуэле. Авторитаризм всегда обещает переродиться в демократию. А на самом деле развивается в прямо противоположную сторону.

Гуревич П. Прежде всего, в стране не прослеживается тенденция к трезвому, разностороннему анализу того, что происходит у нас на самом деле. Оценки экономической ситуации в России крайне противоречивы. Эксперты говорят о назревающем коллапсе экономики, а политики утверждают, что мы вступили в полосу несомненного развития. Кому верить?

Луков В. Россия, как и другие страны, которые оказались основными жертвами кризиса, находятся в бедственном положении. Политики отмечают снижение спада экономического роста и даже возможный его рост. Но прекращение рецессии не означает, что в экономике началось возрождение. До выхода из транса еще очень далеко. Каждый месяц в стране прекращают существование тысячи промышленных, строительных, торговых и финансовых

учреждений. Армия безработных не уменьшается, а растет, несмотря на благоприятные прогнозы. Рынок находится на приближении к новым угрозам и трудностям. Как заклинание, звучат слова политиков: «расслабляться еще рано». Лукавая фраза. Стоит, мол, только отказаться от эйфории, и все пойдет путем. Страна старательно приукрашивает реальность.

Гуревич П. Но ведь это не только проблема России. Дефолтом грозит немислимый рост дефицитов многих ведущих государств мира. Это результат обширных финансовых вливаний в экономику. Конечно, для нас это особенно тревожно. Ведь эта угроза не дает возможности развиваться экономической инфраструктуре. Но суть дела в том, что мы хотим казаться благополучной страной вместо того, чтобы найти реальный путь к процветанию.

Луков В. Опасность ускоренной девальвации или даже краха доллара может превратиться в реальность мгновенно, неожиданно. Это внесет хаос в сложившуюся систему международных расчетов. Надо ли говорить о том, как отразится на судьбе России такая дестабилизация.

Гуревич П. Неважно выглядит и российский политический истеблишмент. В России по-прежнему нет независимого парламента и суда. Коррупционные скандалы разгораются и исчезают. Нормы права не применяются к тем, кто властвует. Прокуратура не станет доводить дела до судебного рассмотрения, пока не последует высшее указание. В той же мере правомочен сегодня окрик: «этого человека не трогать». Власть исключила народ из управления обществом. Разумеется, элиты и даже руководство Российской Федерации осознают, чем это чревато. Однако изменить «вертикаль власти» уже крайне сложно.

Кантор В. Согласен: дела в нашей стране плохи, и имидж тоже неважный. Но нет ли в наших рассуждениях примитивной постановки вопроса? Получается, что создание имиджа вообще зряшная затея. Подлинные достижения, выходит, говорят сами за себя. Станем развивать демократию, и Америка ахнет и будет нас любить. Но так ли это?

Гуревич П. Конечно, не хотелось бы обойти огромные достижения социальной психологии, политическую практику многих режимов. Сталинская конституция поражала своей грандиозностью, но не избавила страну от массовых расстрелов и бесправия. Советская пропаганда добилась огромных успехов в создании привлекательного образа страны, по крайней мере, внутри державы. Людмила Гурченко вспоминает в своей повести про то, что она, еще совсем юная, думала, как плохо живется в ее станице и как замечательно развивается и благоденствует страна. Основанием для таких убеждений были, конечно, советские фильмы. Сталин использовал для усиления могущества страны даже чрезвычайные ситуации. Едва ли не трагическая эпопея с ледоколом «Челюскин» стала для страны героической эпопеей. Имиджевые технологии работали так успешно, что многие видные европейские писатели обманулись, полагая, что в Стране Советов вообще рождается новый мир.

Луков В. Смысл книги когда-то модного у нас американского социолога Шибутани можно выразить одной фразой: «Надо быть скромным, но надо кричать об этом на всех перекрестках». Иначе говоря, умный человек

может восприниматься как дурак, а инвалид умственного труда как глубокомысленный гений. С этой точки зрения, понятно, что создание имиджа страны — дело тонкое. Здесь мы сразу наталкиваемся на стереотипы. Вот в русском бытовом сознании французы легкомысленны, предаются все время любовным приключениям, немцы аккуратны и расчетливы, англичане чопорны, сдержанны, неукоснительно соблюдают традиции. У американцев на уме только работа и деньги, японцы трудолюбивы и вежливы, грузины гостеприимны, но любят прихвастнуть и поволочиться за женщинами, чукчи от природы естественны.

Гуревич П. Хотя это и «ложные картинки», то есть стереотипы, нельзя не признать, что в них есть и нечто подлинное, реальное. Разве педантизм не черта немецкого характера? Может быть, в Америке нет культа денег? Каждый стереотип все же имеет прототипическую основу. Духовный трафарет рождается на реальном фундаменте, хотя затем упрощает ситуацию, доводя ее до «ложной картинки». Но важно иметь в виду, что стереотипы меняются. Возьмем, к примеру, тип негра в американском общественном сознании. В определенном времени он соответствовал образу дяди Тома из известной хижины. Простой, добрый, связанный с природой. Затем в американском общественном сознании закрепился стереотип негра, агрессивного, жестокого, с воспаленной сексуальностью. Прошли годы, и во времена Рейгана негр превратился в иную фигуру. Социологи писали о том, что динамичная Америка могла бы обогнать весь мир, если бы не негры и пуэрториканцы, которые своей патриархальностью не позволяют обогнать век. В последующие десятилетия огромную популярность приобрел лозунг «Черное прекрасно». Лидеры чернокожих в 1988 году высказались за введение в обиход термина «афроамериканец» взамен «чернокожие». Энтузиазм, связанный с этим лозунгом, привел к тому, что идеологи афроцентризма объявили всему миру: Сократ был негром. Откуда, мол, эта крупная голова, сутулые плечи, широко расставленные глаза. Негр стал символом порядочности, мудрости, терпения. Закончилось все это, надо ли подчеркивать, избранием Обамы. Век назад такой прогноз вызвал бы шок и недоумение. Вопрос ставится так: если один и тот же этнос толкуется через разные стереотипы, которые абсолютно не совмещаются в одном образе, то тогда что такое вообще идентичность?

Луков В. Концепция идентичности столь же обязательна, сколь и не отчетлива. Ведущий аналитик идентичностей американский психоаналитик Эрик Эриксон предложил применительно к ней взаимно исключаящие термины — «всепроникающая» и «туманная и непостижимая». Она не поддается стандартным методам измерения. Однако нельзя считать ее только «ложным образом». В значительной степени она постигаема, а главное — оказывает огромное воздействие на общественное сознание. Мы хотим, чтобы нас, людей России, воспринимали как цивилизованных, вполне отвечающих европейским стандартам. Однако имидж не складывается на основе политических заявлений. Если президент страны или премьер заявляют, что наша страна живет по демократическим принципам, то это еще не означает,

будто в головах сотен миллионов людей, живущих в западном мире, сразу возникнет образ цивилизованной России.

Сотворение имиджа — процесс сложный, зыбкий. И надо понимать, из какого сора он рождается. Вот, например, английская гражданка, занимаясь любовью, орала так громко, что соседи подали на нее в суд. Гражданка получила осуждение. Но она не умолкла, а стала отстаивать свои слова в высших судебных инстанциях. Дело, мол, частное, интимное, хочу — кричу, а хочу — наслаждаюсь молча. Один такой факт гораздо весомее подтверждает наличие демократии в стране, чем сотни политических заявлений.

Гуревич П. Мы понимаем, что надо выводить страну из экономического кризиса. Мы понимаем, что свою норму революций Россия уже исчерпала и поэтому заботимся о стабильности в обществе. Но осознаем ли мы, что нам нужно, наконец, увидеть себя не через призму чарующих параметров идеального общества, а в том варианте, какими мы видимся посторонними глазами.

Луков В. Хотел бы добавить, что Россия далеко не всегда является олицетворением только отрицательного имиджа. В течение большей части позапрошлого столетия Россия была самой популярной европейской державой в США. Во время Крымской войны наши диппредставительства в Америке осаждали добровольцы, желающие помочь России защитить Севастополь. После неудачного покушения на Александра II конгресс США поздравил царя с «избавлением от опасности по воле Господа». Когда в 1871 году с визитом в США прибыл великий князь Алексей Александрович, его принимали, словно мегазвезду. Куда бы ни пошел младший сын императора, всюду появлялись приветствующие толпы.

Гуревич П. Но, с другой стороны, нельзя не помнить и странную растерянность Николая Яковлевича Данилевского, который как раз в те же годы удивлялся тому, что Европа враждебна России. Эта враждебность сохранялась, несмотря на большие жертвы и услуги, которые Россия оказывала Европе. Он писал том, что Россия никогда не нападала на Европу, а Европа неоднократно вторгалась в Россию. Пытаясь понять эту проблему, Данилевский пришел к выводу, что Россия и Европа принадлежат к различным культурно-историческим типам.

Луков В. Если оценивать Россию культурологически, то она тяготеет к Востоку. Наши жизненные и практические установки — приверженность коллективу, подавление личности, упование на «сильную руку», культ вождя. В России идея равенства, свободы, демократии, уважения прав личности и частной собственности настолько не укоренены в культурной традиции и поведении граждан, что их реализация в жизни часто приводит к совершенно противоположному результату: вместо прав — неправовые способы разрешения конфликтов, маскирующиеся под право, вместо свободы — беспредел, вместо уважения прав личности и частной собственности — постоянное попрание этих прав. С этой точки зрения, Европа и США сторонни для россиянина. Но, с другой стороны, западные ценности тоже постепенно укореняются в нашем сознании. Мы видим, что в России есть стремление к

формированию нации в западном понимании. И вполне вероятно, что это обновит представление о русском мире.

Гуревич П. Могут ли русские традиции сегодня консолидировать общество? Вряд ли. Может быть, надо уповать на этнос, на «голос крови»? Но ведь русский мир давно разрушен.

Кантор В. Так ли это на самом деле? Не путаем ли мы реальность и идеологические фикции? Вы же не станете утверждать, что прототип и имидж — это одно и то же?

Гуревич П. Упаси Бог считать имидж зеркальным отражением жизни народа. Он, разумеется, многослоен, создается из разных слагаемых. У каждого народа существуют свои культурные традиции. Никто не оспаривает достижений социальной психологии, на основе которых рождается образ. Но имидж не существует без прототипа. Прежде чем говорить о феноменологии имиджа, важно, вероятно, затронуть тему идентичности, как проблему современного мира.

3. Что определяет имидж современной России?

Луков В. У каждого человека в сознании существует ментальная модель мира — субъективное представление об окружающем мире. По-другому еще мы говорим: «картина мира». Она состоит из множества образов — простых и сложных — из понятий и суждений, важных для повседневной жизни и ориентирующих нас в наших оценках и действиях. В этом складе много всякой всячины — важного и неважного, но он определенным образом упорядочен, и к центру ближе то, что человек признает «своим», а на периферии оказывается то, что относится к «чужому». «Свое» и «чужое» у каждого разделяется не так уж произвольно, огромное значение имеет то, как проходила ранняя социализация в детстве, как строились отношения с окружающими в юности, что стало ценностями и нормами личности под влиянием множества людей — близких и почти незнакомых — на протяжении всей жизни. В юности важен вопрос — «делать жизнь с кого?». Когда в обществе старые ценности отвергнуты, а новые не укрепились, ответ на этот вопрос становится рискованным, неопределенным, противоречивым. И не только на уровне индивидуального сознания.

Неясная идентичность становится приметой целых народов и стран. Когда речь идет о формировании имиджа России для других, очень важно определиться, есть ли у самой России ясность, что она такое — куда идет, какое общество строит, с кем и против кого готова объединяться. Что нам дорого, чем хотим быть в будущем.

Гуревич П. Да, картина мира состоит из десятков тысяч образов. Они могут быть простыми, как отражение облаков, плывущих по небу, а могут представлять собой абстрактные построения относительно устройства мира. Индивид нуждается в системе ориентации, которая дала бы ему возможность отождествить себя с неким признанным образцом. Впервые такого рода механизмы были рассмотрены в концепции Фрейда. Исходя из этого понятия,

Эрик Эриксон писал уже о психосоциальной, культурной, расовой идентичности.

Для нас эти проблемы важны, потому что мы должны определиться с исторической судьбой России. Рассматриваем ли мы Россию как правопреемницу СССР, сохраняя верность единой летописи страны или, напротив, считаем, что отождествляем себя с новой культурной общностью? Принадлежим ли мы Европе или в нас больше азиатского («Да, скифы мы, да, азиаты мы...»)?

Луков В. Расовые, этнические, религиозные и иные формы дискриминации, в конечном счете, коренятся в эволюционной потребности индивидов в определенных формах групповой идентификации. Группы, которые сумели добиться какой-то сплоченности, возможно, выжили лучше, чем те, которые не сумели ее добиться. Все общества обладают тем, что американский футуролог Э.Тоффлер назвал «психосферой». Она охватывает их идеи, начиная от общности и идентичности. Таким образом, идеи «принадлежности» или «общности» оказываются одной из фундаментальных скреп всех человеческих систем.

Гуревич П. Это, разумеется, так. Но имидж современной России напрямую связан с кризисом идентичности, которая стала острой проблемой для гуманитарного знания. Например, в течение десяти тысяч лет господства на планете сельского хозяйства индивиды прочно идентифицировались с семьей, кланом, деревней, другими группировками. Индивид рождался уже как член семьи и расовой группы. Он всю жизнь проживал в деревне, в которой родился. Религия задавалась ему родителями и местным сообществом. Таким образом, базисные индивидуальные и групповые культурные привязанности определялись при рождении. Групповая идентичность обычно оставалась постоянной на протяжении всей жизни человека.

Луков В. Если вы хотите проследить крушение идентичности, то нельзя обойти и промышленную революцию. Она ослабила семейные формы культурной идентификации. Характер ее меняется радикально. Сегодня, как известно, возникают новые идентификационные группы. Этот процесс получает решающее ускорение благодаря демассифицированным средствам массовой информации. С нарастанием современных цивилизационных преобразований многие люди приобрели возможность в выборе культурной идентичности. Заметно ускоряются отныне и темпы социальных и культурных изменений, так что идентификации, которые выбираются, становятся все более кратковременными. Новые формы самоотождествления накладываются на прежние, возможно, более глубоко ускоренные, слои расовой и этнической идентичности.

Гуревич П. Модернизация, глобализация привели к тому, что люди были вынуждены попросту переопределять собственную идентичность, сузить ее, превратить в нечто камерное, более интимное. Но это с одной стороны, а с другой — «расширение идентичности». Представители одного народа все чаще и чаще взаимодействуют с людьми иных культур и цивилизаций. Наиболее отчетливо возникновение новой, «сверхнациональной идентичности»,

проявилось в Европе. Рождаются новые гиганты социальной жизни — общий рынок, таможенные союзы, регионально-хозяйственные идентичности. Мы говорим и о планетарной культуре. И вместе с тем рушатся прежние культурные идентичности.

Кантор В. Такая ситуация характерна не только для России. Разве крах идеи мультикультурализма в Америке не относится к теме нашей дискуссии?

Луков В. Да, но сегодня надо признать, что в старом смысле слова такого имиджа, который накрепко связывал индивидуальную идентичность и образ страны, нет не только у нас, но и в мире. Это естественный результат глобализации и информационной прозрачности государственных границ. Самуэль Хантингтон в своей последней книге «Кто мы?» сетует на крушение американской идентичности. Он пишет о том, что некоторые государственные флаги, например, триколор, «Юнион Джек» или пакистанский зеленый флаг со звездой и полумесяцем говорят нечто содержательное о национальной идентичности стран, символами которой они являются. Но звездно-полосатый флаг США, по его мнению, выражает уже какие угодно символические значения.

Гуревич П. Но кризис идентичности — не только американская или, скажем, российская проблема. Почти повсюду на земном шаре задаются вопросами: Кто мы такие? Чему принадлежим? Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии. Географически, сомнений, разумеется, не возникает. Но с западной цивилизацией японцев связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранский народ тоже находится в поисках самотождественности. То же самое можно сказать и о Южной Африке. Китай ведет «борьбу за национальную идентичность» с Тайванем. Сирия и Бразилия переживают потребность в новых опознавательных знаках. Алжир тоже сетует на распад идентичности. В Турции споры о подлинной тождественности не утихают...

Луков В. К этому можно добавить, я полагаю, и Мексику. Разве там не говорят о «мексиканской идентичности»? Население Британских островов утратило былую уверенность в британской идентичности и пытается выяснить, к кому оно больше склоняется — к континентальным европейцам или «североатлантическим» народам. В Германии с трудом реализуется проект «общегерманской идентичности». Западные и восточные немцы не располагают общими ценностями. Бывшие граждане ГДР зачастую с тоской вспоминают свое прошлое. Мы видим, что кризис в разных странах приобретает раз личные формы, протекает по-разному и сулит разные последствия. Разумеется, едва ли не в каждой стране он вызван особыми, уникальными обстоятельствами.

Гуревич П. Выходит, кризис носит глобальный характер. Мы не одиноки.

Луков В. Беда, пожалуй, только в том, что в нашей стране поиск идентичности не самая актуальная проблема. Захваченные кризисом, модернизацией, мы не всегда отдаем себе отчет в том, что никакая программа «рывка в будущее» не может игнорировать именно эту проблему. Глубочайший

кризис в России воскресил конфликт XIX века между славянофилами и западниками. Европейская мы страна или все-таки евразийская?

4. Есть ли традиции, на которые можно опереться при создании имиджа России?

Кантор В. Нельзя сказать, что эти споры принадлежат только XIX веку. Постоянно задается риторический вопрос: кто мы такие и кем должны быть, чтобы оставаться самими собой, иными словами, речь идет о нашей самоидентификации, о том, какова наша ментальность, или, употребляя более старинное и точное выражение, каков «умственный и духовный строй народа».

Луков В. «Умственный и духовный строй народа», пожалуй, точнее, чем абстрактная идентичность.

Кантор В. Разумеется, на протяжении тысячелетия, в котором существует Россия как государственно оформленное целое, этот строй менялся, как менялись общественно-политические структуры. Но все же какие-то коренные особенности оставались, в зависимости от ситуации играя то положительную, то отрицательную роль. Если верить отечественным романтикам (славянофилам и пр.), то такими особенностями являются общинность, соборность и крепкая православная вера. В 30%е годы прошлого века, когда европеизм уже слишком сильно «заразил» русское общество, этот романтический взгляд обрел каноническую официальную формулу: православие, самодержавие и народность. Три кита, на которых, казалось, вечно стояла и будет стоять Россия, стоять неколебимо. Так мы тогда попытались отделиться от Запада. В эпоху недавнюю, эпоху более плотного железного занавеса, триада превратилась вроде бы в диаду: партийность и народность. Но суть была та же: роевое, общинно - государственное начало в противовес «гнилому индивидуализму Запада».

Гуревич П. А другой лагерь?

Кантор В. Если же обратиться к тем, кто выражал самокритику культуры (Чаадаев и др.), не отрицая ее специфики и самобытности, мы увидим картину более мрачную, но тоже опирающуюся на конкретные факты, а именно: склонность к отречению народа от своих прав, полное подчинение личности государству, а в моменты народных возмущений — дикий произвол, побеждаемый еще более лютым государственным произволом, сызнова приводящим народ в рабское состояние. Из недавних исторических вариаций на эту тему можно напомнить Октябрьскую революцию и гражданскую войну с их лозунгом (по свидетельству Питирима Сорокина) «все дозволено», на смену которым пришла большевистская тирания, невиданная даже в российской истории, наглядевшейся тиранов.

Разумеется, каждая по отдельности, эти точки зрения вполне односторонни, но они, в общем-то, прекрасно взаимодополняются. К примеру, в ситуации сегодняшней «свободы» больше всего жалоб на распад общинных, коллективистских связей, войну всех против всех, как оно было и в Европе в период первоначального накопления капитала. Человек отделился от

государства, и выяснилось, что никакой он не общинник, если не считать общиной мафиозные структуры. Рухнул общественный порядок, а апологеты «неособорности» способны только проливать слезы да мечтать о «крепкой власти», наподобие сталинской, которая живо бы всех вновь вернула в коллектив или, если исходить из нынешних идеологических реалий, в «православно коммунистическую общину».

Луков В. Чем больше споров, тем меньше ясности — что же предпочтительнее. Почему одно рождает другое?

Кантор В. Да, вроде, заколдованный круг...Из «мучительства рождается вольность, из вольности — рабство»?.. (Радищев). Или еще хлеще у героя «Бесов» Шигалева: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом». Или вообще принадлежащая нашей стране одна шестая часть суши является своего рода «заколдованным местом» (Гоголь), из которого как ни пытайся уйти, все равно останешься там, где был?..

Гуревич П. И ничто не меняется?

Кантор В. Стоит, однако, обратить внимание на историко-культурные причины, породившие такое состояние дел. По мнению большинства русских историков, культурологов, философов истории (как романтиков, так и реалистов), тип государства, тип социокультурных отношений, который в той или иной степени продолжается доселе, сложился на рубеже XV–XVI вв. То есть тогда, когда с помощью татар произошла «московизация» Руси (Г.Федотов), затем татарская власть слабела, была отброшена и образовалось непохожее на западноевропейские (хотя примерно в то же время) централизованное государство. Поколебленное реформами Петра и последующей европеизацией, оно было реанимировано большевиками. Его называли «государством правды» (М.Шахматов), «тоталитарным государством» (Н.Бердяев), «народной монархией» (И.Солоневич).

Луков В. Есть ли возможность перечислить и некоторые противоречия?

Кантор В. Все права были у верховной власти, подданные имели только обязанности, но они мирились с этим, поскольку их вынуждали к тому два обстоятельства социально-психологического характера, роль которых в истории много больше, чем мы традиционно считаем.

Во-первых, преобладающим моментом была психология осажденной крепости: кругом враги (так оно и было), природных преград никаких, крепость можно построить не из камней (еще С.Соловьев подчеркивал, что, в отличие от Европы, Россия — страна деревянная (а дерево, как известно, горит), защита же — из тел жителей этой крепости (Ф.Нестеров). Поэтому личность не ставилась ни во что, надо всем преобладали интересы государства. Именно этот архетипический фактор народной психологии столь удачно использовали большевики, объявив страну в кольце буржуазной осады.

Во-вторых, изолированность и связанный с ней мессианизм. Менялись цари, менялись социальные структуры, но чувство изолированности и мессианизма оставалось.

Возникло оно, возможно, как результат византийского наследия, которое через Балканы (Сербию и Болгарию, неудачно претендовавшую на

роль Третьего Рима) утвердилось в России, единственной политически независимой стране с православной верой. Отрезанные татарами от Европы, идеологи российского православия охотно принимали восхваления униженных и разгромленных греков, болгар и сербов, уверявших московитов, что они одни являются спасителями подлинного христианского благочестия. В момент освобождения от многовекового ига это падало на весьма восприимчивую почву и льстило национальному самолюбию.

Гуревич П. Вероятно, в числе базовых ценностей русского народа можно назвать и мессианство?

Луков В. Мессианство в российском менталитете обнаруживает себя тотчас же, как только речь идет о возрождении национального самосознания, о сохранении исторического пути России. Мы это обнаруживаем и в сочинениях старшеклассников, когда они посвящены, например, такой мировоззренческой теме, как «Что значит быть русским сегодня?».

Гуревич П. С другой стороны, и игнорирование ментальных основ русского национального самосознания привело к печальным последствиям, что поставило Россию на грань выживания как в мире, так и внутри страны.

Кантор В. Мессианизм претерпел всевозможные модификации и метаморфозы, но пафос остался: мы потому одиноки (но могущественны), что несем свет вечной истины, ибо одиночество — родовое свойство пророков. Не случайно те же большевики так легко отвергли западноевропейский опыт пролетарского движения, наконец-то, вроде бы с полным основанием призывая Запад учиться у страны «победившего социализма». Это мессианистическое безумие, начиная с Достоевского, приобрело адептов в широком кругу русской интеллигенции, пусть даже не принимавшей православия или революционаризма, но все равно верившей, что нечто пророческое сейчас совершается именно в России. Например:

*И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия, —
Мессия грядущего дня!*

Это из стихотворения Андрея Белого «Родине», написанного в августе 1917 года. Из этих факторов вырастал российский утопизм, т.е. склонность к футуризму, бюджетлянству: от Чаадаева и Герцена до Федорова, Хлебникова и Маяковского. Что это значит? Это значит неприятие жизни сегодняшней и даже завтрашней во имя жизни послезавтрашней. Таков был один полюс — высокой мечты и жажды всемирной гармонии.

Гуревич П. Мессианство предполагает и жертвенность.

Кантор В. Разумеется, был и другой полюс этого футуристического мессианизма — в реальности пафос будущего вел к идее социальной жертвенности: можно жертвовать собой, своими детьми во имя даже не внуков, а правнуков — в надежде на посмертное (по Федорову) «воскрешение отцов». Дело в том, что «сегодняшняя» жизнь была настолько безысходной, что нормальное «завтра» из этой безысходности никак не вытекало, зато, как звезды из темного и глубокого провала, виделось отчетливо, почти до

галлюцинаций, «послезавтра», идущее «через горы времени» (Маяковский) и воспринимавшееся как чудесное преобразование.

В VI выпуске «Голосов из России» Герцен напечатал «Письмо к издателю «Колокола» (автор до сих пор не известен). Хочу привести оттуда слова, по -чаадаевски сурово и жестко характеризующие нашу ментальность: «Забота о будущем не в нашем духе; на словах готовы мы взвалить на свои плечи хоть все человечество, будем социалисты, демократы, будем говорить об высокой честности с глазами в крови; на деле — боимся всякого труда, всякой мысли, живем настоящей минутой; наш чиновник ворует для того, чтоб покутить, купец мошенничает, чтоб сыну чин доставить, мужик работает, чтоб пьяну напиться. Даже материальной заботы о будущем нет; на того, кто об этом думает, в России показывают пальцами, он предмет насмешек и неприязни. Иными словами, мы видим невероятный, не свойственный, пожалуй, ни одной другой культуре разрыв между мечтой и реальностью, ибо «мечта о будущем» не есть «забота о будущем». Ради мечты можно страдать и сражаться, быть винтиком и кирпичиком, утешая себя мыслями об «общем деле», что «ради всех».

Гуревич П. Через призму антропологии рассуждает Розанов о русском народе — сострадательном, невоинственном и добром. Ему суждено преобразовать мещанскую бездуховную западную цивилизацию. Осмысление своеобразия национальной истории и психологии определило и мессианские взгляды Бердяева. Он видел смысл русского мессианства не в гордыне самоутверждения, а в жертвенном горении духа, в духовном порыве к новой жизни. Речь шла об обожении тварного мира и всего космического вселенского дома. Как же это совмещалось с персоналистической установкой философии Бердяева?

Кантор В. Забота требует самостоятельной деятельности, муравьиной хлопотливости в построении собственного дома, труда на себя, что предполагает в культуре независимую личность, которая так и не смогла выработаться в общей массе российского народа, всегда трудившегося на «чужого»: на татар, на казну, на царя, на бар, на партократию. Неумение, непривычка строить сегодняшнюю жизнь приводит к желанию жить «настоящей минутой» (пока «не отобрали» заработанное), не думать о перетекании сегодняшнего дела в завтрашнее (новый хозяин — новые приказы: а сам себе не хозяин), т.е. в реальное будущее, а потому возникают мечты об утопическом прыжке через время, через века, где получают оправдание и сегодняшние бессмысленные страдания и нелепица жизни.

Такова российская «неевклидова математика», преодоление мира, где «все противоречия вместе живут» (Достоевский), идея «единого мига» (так подробно прослеженная у своих героев тем же Достоевским), предполагающая добиться всего не постепенным многолетним трудом, многовековым развитием, а разом — прыгнув через столетия. Только такой мечтой о будущей всеобщей счастливой и равной жизни можно утешить рабов, к тому же и не знающих иного состояния, кроме принудительной общинной уравниловки. Поэтому и вроде бы осуществленная мечта оборачивалась новой модификацией

рабства (как у Шигалева: «все рабы и в рабстве равны»), оставаясь жить в народном сознании в качестве мифической реальности («как хорошо было при Сталине!»), воображенной духовной соборности, «подлинного равенства» и коллективизма.

Луков В. Между тем, духом мессианства заражены сегодня многие публицисты и политики. Путин, говоря о возрождении русского самосознания, несомненно, обращается к хорошо знакомым сюжетам.

Кантор В. Так можем ли мы зажечь по-другому? Теперешние процессы — говорят они об изменении ментальности или просто разыгрывается очередной вариант сказки про белого бычка, повтор реформ Александра II, расслоение, а потом новый взрыв?.. Да и вообще — может ли меняться ментальность?.. Ответить однозначно на этот вопрос нельзя.

Но попробуем порассуждать. Скажем, в XV в. трудно было даже отдаленно предположить, что в этой стране проявится гений такого гуманного и всеотзывчивого, всеевропейского поэта, «славянского Моцарта» (Томас Манн), как Пушкин!.. А ведь появился! И появился целый слой, сословие, которое стало жить интересами культуры, причем открытой всем европейским влияниям, воспитывая своих детей на поэзии Пушкина. А в каком-то смысле это важнее многих социальных реформ. Ибо реформы, т.е. сознательное влияние на жизнь, — результат появления рефлектирующего слоя: так полагали, к примеру, русские просветители.

Русская поэзия стала второй церковью, по сути, заместив сервильное, государственное православие с его казенной верой. Как христианство влияло на человечество, создавая из варваров цивилизованных людей, так и русская литература, выросшая на христианстве, оказалась фактором гуманистического просветления русской ментальности. Однако великий самообман российской интеллигенции, попытка перехитрить историческую закономерность, перескочить из российского настоящего в гипотетическое европейское будущее, привели к катастрофе: гуманистические черты были стерты и восстановились, восторжествовали архаические, агрессивные и изоляционистские особенности ментальности, нашедшие на новом историческом витке свое выражение в сталинизме.

Гуревич П. Известный парадокс заключается, на мой взгляд, в том, что многие публицисты апелляцию к славянофильству выражают через идею преемственности русского духа. Не поругание «отеческих гробов» всей тысячелетней российской истории, а сознательное принятие былого мессианства. Впрочем, кое-кто и предлагает отказаться от обращения к былой идеологии, преодолеть этот соблазн. Но у известного евразийца это означает, что русскому народу предназначено утвердить глобальную, универсальную истину, значимую для всех народов земли.

Кантор В. Что же происходит в последние годы? Тирания принудительного единомыслия ушла, но многие жалуются: стало легче дышать, но труднее жить. Исчезает духовность, творческое начало. Принуждение политическое сменилось экономико-социальным. Люди не думают о высоком, стали прагматиками, стараются жить на западный манер, «продавая свое

духовное первородство за чечевичную европейскую похлебку». Можно, конечно, ответить банальностью, что тому, кто хочет жить духовно, помех нет, бочка Диогена и служба ночным сторожем всегда возможна, а вообще-то за свободу надо платить, и что ни дай — ничего не жалко. И если культура не сумеет противостоять натиску денежного мешка (хотя противоборствовала государству), то очень обидно, но тогда такую духовность не жаль: во всяком случае, западные интеллектуалы, писатели и художники постоянно показывают, что они способны на независимость. Но лучше не говорить банальностей, а посмотреть на конкретные идейно-смысловые сдвиги в нашей культуре за последние тридцать лет.

После колоссального выброса энергии, длившегося с 1917 года до середины 1950-х годов, русский народ не выдвинул ни одной мессианистической доктрины и не воспринял таковой. Основная идея, начиная с Хрущева, — жить не хуже, чем в Европе и Америке («догоним и перегоним Америку по производству мяса, молока и масла!»). Пропал страх перед государством, а также любовь к нему. Уже в 1970-е годы в передовых слоях интеллигенции развивается апология частной жизни в противовес коллективно-государственной. А интеллигенция в России задает направленность социально-общественного движения. Октябрьская революция явилась, как полагают весьма многие, результатом усилий русской интеллигенции и русской литературы. Именно поэтому, так говорят теперь, революция 1917 года была великим порывом и прорывом к светлому будущему, пусть даже не состоявшимся. А в наши дни торжествует мещанин и спекулянт безо всяких идейных запросов. Но, надо сказать, что и нынешний перелом связан с полувековым (если не больше) стремлением русской интеллигенции (диссидентство и вся потаенная, тамиздатовская и самиздатовская литература) вернуться на тот путь европеизации, с которого она сама помогла сойти России в 1917 году. Именно это и происходит. Причем с невероятной активностью. И характерно, что нынешние радикалы — националисты и неокommунисты — мечтают не о новых победах, а пытаются сохранить хоть что-либо из старого. Речь идет не только о территориальных потерях и приобретениях, но и об идейно-духовном наследии, которое, как им кажется, полностью отвергнуто.

Луков В. А как же с идеей альтернативы нового мирового порядка?

Кантор В. На мой взгляд, «чистый» национализм в России никогда не работал, но всегда облекался в идеи всемирности. Только в этом случае можно было ощущать себя носителями высшей истины (будь она идеей Третьего Рима или пролетарского интернационализма — все равно) и испытывать превосходство над непоследовательными, а потому и враждебными иноземцами. И этот основной архетипический механизм культуры, определявший ее ментальность, остался прежним. Его можно назвать склонностью к заимствованию или тягой к всечеловечности, понимавшейся Достоевским как способность к целостному восприятию всей европейской культуры. Только нынче всемирные идеи другие, ибо изменилась ценностная ориентация и геополитическая структура мира, — идеи открытого общества, рыночной экономики, которые, хоть и в диковатом российском исполнении,

уже не ведут к изоляционизму, ибо разрушают жупел «вражеского окружения». Что же дала эта новая мировая идея? Государственность в коллапсе, а гражданское общество еще не состоялось. Зато слышатся песни бардов: «Теперь толкуют о деньгах!» И, правда, толкуют. Пропагандируют впервые в истории не верную службу, а умение работать на себя. Забыв о «светлом будущем», все хотят быть уверенными не в послезавтрашнем, а завтрашнем дне. Но пока по-прежнему живут «настоящей минутой». Слишком укоренен страх перед непредсказуемыми действиями государства, на первый взгляд, бессильного, но при том вполне замещающего собой гражданское общество. Точнее сказать, оно бессильно в области защиты человеческой личности, а также потеряло власть и желание принуждать граждан к труду, но, как прежде, всеильно в своих помехах развитию независимой от него экономики.

Государственные структуры хотят все так же контролировать экономику, чтобы собирать с нее жатву удушающих налогов и взяток. От этой неопределенности в нашей жизни царит по-прежнему беспредел, не регулируемый даже идеологией. Избавленное от коммунистических и партийных обязательств и прикрытий, российское троюковское хамство стало откровенным. Население растерянно, как больной после гипнотического сна. К работе больше не принуждают, а по-другому еще надо научиться. Поэтому в глазах агрессивность, безумие и тоска по палке, заставлявшей что-то делать. Личность другого все так же ничто. Бытовой пример: машины, почувствовав себя без надзора ГАИ, несутся не обращая внимания на светофоры и травят пешеходов, как озверелые охотники несчастных зайцев. Без палки кажется, что «все дозволено». От реализма западных людей мы еще весьма далеки.

Луков В. Кантовский вопрос: «на что я могу надеяться?»

Кантор В. Вместе с тем растет поколение (после двух «небитых» поколений — с середины 1950%х годов), которое не связывает свои надежды на устройство жизни с государством, полагаясь, прежде всего, на личные усилия, ум, талант, умение и ловкость. Оно жаждет независимости, но что из него получится, выйдет ли оно из стихии спекуляции к организации производства отечественных товаров — бог весть! Научиться работать самостоятельно, без государственного принуждения — задача исторической важности и невероятной сложности. Разрешима ли она? Ясно, что открывшийся путь — это путь не в райскую жизнь, не в светлое будущее, а в очень непростой, не менее жестокий, чем прежний (хотя по-другому), но все же свободный мир. Выдержит ли эту свободу привыкшая существовать по закону военного времени — закону «палки», закону принуждения — российская ментальность?

Можно ли тут предсказывать? Во всяком случае, очевидно, что многие черты, характеризовавшие до сих пор нашу ментальность, бледнеют, стираются, уходят в прошлое. Исчезает постепенно психология окруженной данайцами Трои, а соответственно, проходят и чувства изолированности и «законной гордости», мессианизма и хилиастического будетлянства. Становятся предметом рефлексии национальные мифы — о соборности; об особом пути (после снятия железного занавеса можно было убедиться, что путь

каждого народа — особый, и все народы по-своему выходили и продолжают выходить из варварских структур безличного коллективизма); о государственности, якобы присущей русскому народу по самой его сути; об общинности, которая, как подтвердил опыт нынешнего столетия, есть не что иное, как фискально - государственный способ держать народ в беспрекословном подчинении (один отвечает за всех, а все за одного — из этой формулы не вывернешься): колхозы, заводские коллективы, бесчисленные партячейки с их принудительным подчинением личности так называемому коллективному решению, а на самом деле — решению начальства...

Луков В. Вы, наверное, обратили внимание на дискуссию, которая развернулась в «Литературной газете». Спор шел о том, можно ли считать русский народ инфантильным, незрелым?

Кантор В. Один из отечественных современных писателей-эмигрантов где-то заметил, что нынешняя Россия становится и станет столь же скучной, как Бельгия и Голландия. Пока не заметно. Да и то сказать: такой скучной жизни Россия еще не испытывала, она для нее в диковинку, а потому на ближайшую сотню лет и не скучна. Трезвость и благоразумие — это пока для нас нечто новое и необычное. Да уже и хватит, пожалуй, интересовать мир своими бедами и трагедиями, гордясь ими, как знаком отличия от других. Во всяком случае, мечты о «красивых и возвышенных» трагедиях — удел людей сытых и жестокосердных, желающих любоваться извне пожаром горящего дома: что-то от психологии Нерона, сжегшего Рим. Россия, конечно же, остается Россией, а российская ментальность — российской ментальностью. И российские проблемы, трудности и особенности никуда по взмаху волшебной палочки не денутся. Но, возможно, завершается, наконец, затянувшийся период детства культуры, уходит инфантильность, «подростковость», наступает зрелость, «взрослость»... Быть взрослым нелегко, больше ответственности, но это и некоторая гарантия от самоубийственных и жестоких поступков, свойственных молодости.

5. Что можно сделать для «облагораживания» образа России?

Луков В. Тему молодости я хотел бы продолжить и в ее аллегорическом, и в ее прикладном значении, имея в виду нашу задачу не только порассуждать о сложности «облагораживания» образа России за рубежом, но и поискать пути, как это сделать, не закрывая глаза на проблемы российского общества. Одна аналогия для начала. Несколько лет назад в академическом педагогическом журнале я встретил интересное высказывание о том, как сделать студента высококультурным в наше время, столь далекое в этом отношении. Автор статьи, названной без претензии «Высоты высшего образования», писал: «Когда молодой человек придет в вуз, чтобы стать полноправным наследником великой культуры и науки своего отечества, когда его осознанной целью станет совершенствование мира людей, когда он обретет реальные шансы вырасти выдающимся профессионалом и

настоящим человеком». Итак, чтобы стать настоящим профессионалом и настоящим человеком, надо им быть.

Кантор В. Незатейливая мысль...

Луков В. Но трудность как раз в том и состоит, чтобы определить, как сделать студента наследником культуры, что это значит конкретно. Примерно то же самое можно сказать о выполнении задач по «облагораживанию» имиджа России. Если исходить из того, что саму такую задачу можно ставить, когда внутренние противоречия страны будут решены, и Западу (а также Востоку, Югу и Северу) может быть представлен бенкендорфовский образ страны, будущее которого выше всего, что может нарисовать самое смелое воображение.

Кантор В. Зря мы его покритиковали...

Луков В. Даже хорошо, что мы сначала немного побурчали по поводу нынешних порядков. Во-первых, именно для порядка и в духе того, как это делала российская интеллигенция еще в XIX в., во-вторых, для осмысления реальности, того, что происходит, в противовес тому, что — для поддержания порядка же — заявляется властью. В-третьих, чтобы оценить масштаб и длительность предстоящих работ. Менять имидж — вовсе не самостоятельная задача, которую можно превратить в изолированный проект, закрыв глаза на все, что происходит. Создавать о себе хорошее впечатление — это задача сопутствующая. Сопутствовать здесь означает и следовать за изменениями, происходящими в стране, и подталкивать изменения вперед. Это примерно как уборка в квартире в ожидании гостей: не старайся хозяева создать благоприятное впечатление у гостей о своем быте, не тратили бы они времени в канун визита на доведение чистоты до блеска. Тоже, между прочим, важная сторона имиджа: должно быть не просто неплохо, а блестяще. Но и в этом случае недопустимо идти по линии масштабной фальсификации и исходить из установки: какой образ России может понравиться Западу, такой мы ему и нарисуем. Здесь интересен пример Китая, который тоже строит свой образ для мира, но не путем отказа от своего существа.

Гуревич П. В Китае начали с реальных, а не имиджевых проблем.

Луков В. В отношении России это тем важнее, что многое уже сделано для подслащения образа России как тотально-демократической и правильной по западным меркам страны. Но в какой мере это так? К интересным раздумьям приводят данные ряда крупных социологических исследований, которые совсем недавно представили в своей книге «Молодежь России: социологический портрет: два крупных российских социолога — Михаил Константинович Горшков и Франц Эдмундович Шерени. Первый из них возглавляет Институт социологии РАН, второй известен как организатор эмпирических исследований и глубокой интерпретации данных, которые по ходу в них собираются.

В 1999 году Горшков и Шереги проводили по заказу Фонда Эберта исследование, в котором опрашивали представителей пяти возрастных групп — 16–25, 26–35, 36–45, 46–55, 56–65 лет. Применение здесь когортного анализа, среди прочего, преследовало цель прояснить поколенческие связи и различия в

сфере исторического сознания. В 2009 году, то есть совсем недавно, а по отношению к тому исследованию — через 10 лет, группа исследователей под тем же руководством провела опрос среди российской молодежи — и тоже задавалась одной из своих целей увидеть, что и как меняется в историческом сознании нового поколения сегодня, спустя два десятилетия кардинальных перемен в российском обществе.

В исследовании 1999 года каждая из возрастных групп оценивала периоды истории страны, на которые приходилась активная фаза их социализации (юность). Каковы же итоги? Что-то совпадает с новыми стереотипами пересмотренной российской истории (представленной в учебниках, написанных на деньги Сороса). Например, по характеристике «страх» в лидерах оказался «СССР при И.Сталине» — 68,7%, «СССР при Н.Хрущеве» дал показатель в 3,5%, «СССР при Л.Брежнев» — 5,3%, «СССР при М.Горбачеве» — 6,7%. Но «Российская Федерация при Б.Ельцине» — 50,6%. Меняется разве что представление об источнике страха: как замечают авторы, при Сталине боялись, что посадят, при Ельцине — что убьют. Высший показатель социальной защищенности дало время Брежнева (75,9%), а низшие показатели — по временам до революции 1917 года (6,0%) и опять же при Ельцине (7,3%). Зато по межнациональным конфликтам в историческом сознании молодежи соответствующей эпохи нашей новейшей истории опять впереди всех времена Ельцина (84,8%) и Горбачева (45,0%). И по тяжелому экономическому положению Россия при Ельцине набрала больше голосов, чем все другие эпохи (89,3%, самые близкие по рейтингу — Россия до 1917 года и СССР при Горбачеве — по 24,4%).

А как с наличием идеалов? Впереди эпохи Сталина и Брежнева (59,6 и 48,6% соответственно) на фоне 5,8% ельцинского периода. И по дисциплине, и порядку сталинский период оценен высшим показателем (83,2%), а ельцинский — низшим (2,0%). В лидерах по таким характеристикам, как «быстрое экономическое развитие», «любовь к Отечеству», «чувство гордости», «мощная промышленность» — опять-таки СССР времен сталинщины, зато по таким показателям, как «преступность, бандитизм», «бюрократия», «кризис», «неуверенность в своем будущем», «социальная несправедливость», «коррупция, взятки», «бездуховность», с большим отрывом стоит Россия при Ельцине.

Справедливости ради надо отметить, что высокие показатели это время набрало и по характеристикам «возможность стать богатым человеком», «уважение к Православной церкви», «гражданские и политические свободы».

Гуревич П. Интересная динамика.

Луков В. Как показало исследование 1999 года, а оно проводилось на западные деньги, что могло бы вести к искажениям в пользу утвердившейся тогда «демократической власти» (замечательно, что исследователи устояли от соблазна и сделали свою работу профессионально и честно), «от ельцинского этапа истории России отчуждены все поколения» и еще: «основная масса россиян, сознательно или подсознательно, идентифицирует себя с брежневским

периодом». И спустя десять лет ситуация не такова, чтобы считать ее совпадающей с намерениями и ценностными ориентациями власти.

В опросе 2009 года сохраняется высокий уровень недоверия к демократическим институтам государства и гражданского общества (к Госдуме, политическим партиям, профсоюзам и т. д.). Только 9,1% опрошенных молодых россиян считают, что внутренняя политика России полностью совпадает с интересами молодежи, а 33,9% считают, что не совпадает. В общем, для идиллического образа России, как готовой идти по западному пути, указываемому МВФ и другими могущественными структурами глобализации по-американски, оснований мало. И надо ли уходить от образов, укрепившихся в народе и передающихся новым поколениям в семье, в ближайшем кругу общения? Лучше бы разобраться, почему в исторической памяти новых поколений, уже не знающих действительности СССР, атакованных идейными противниками социализма — и зарубежными апологетами капитализма, и своими ренегатами, развращаемыми СМИ и рекламой легкой наживы, столь сильны следы советского прошлого, надежды на сильную власть, на государственную заботу. Это наша российская слабость — или специфика, которую терять нам вовсе несподручно, даже если Запад ожидает другого? От этого выбора зависит и то, какие PR-технологии окажутся предпочтительными и что в итоге получится с продвижением положительного имиджа России. Во всяком случае, ясно, что фальшивый образ нам не выгоден, и он будет разоблачен быстро и бесповоротно.

Гуревич П. Здесь речь идет уже о разных слагаемых идентичности.

Луков В. Прежде всего, осознать свою идентичность. Или скажем так: пора задуматься над тем, кто мы? Куда идем? В чем состоит проблема имиджа — в создании привлекательного образа или в стратегическом осмыслении пути России? Проблемы должны быть выстроены в той иерархии, в какой они находятся на самом деле. Сначала осознание собственной идентичности. Потом на этой основе проработка стратегических аспектов нашей политики. И уже затем — создание привлекательного образа России. Понятно, что значимость национальной идентичности, особенно в сравнении с другими идентичностями, никогда не оставалась неизменной. Она многократно варьировалась на протяжении человеческой истории.

Гуревич П. Вы сразу начинаете с национальной идентичности. Но ведь в США, например, обнаружение этнической и культурной принадлежности реализовывалась через религию. Затем пришлось определяться идеологически. Надо было как-то оправдать независимость от бывших соотечественников в Европе. Белый цвет кожи, британское происхождение, протестантизм, независимость — вот основные элементы американской идентичности в XVIII и XIX вв. В последние годы XIX в. этнический элемент был расширен и включал в себя не только англичан, но и немцев, ирландцев и скандинавов.

В России сегодня сильны позиции Православной церкви. Известный документ «Проект России», получивший распространение в разных государственных структурах, а затем изданный отдельной книгой без упоминания автора — разве это не попытка облагородить образ России с

помощью укрепления православия? В книге есть попытка показать, что демократии в нашей стране нет и не может быть. В ней содержится резкая критика протестантизма. Отмечается, что когда общество отрицает Бога, миром начинает править маммона.

Луков В. Должен сказать, что принадлежность этого проекта к Православию угадывается только по характеру прогноза. Автор, к примеру, пишет: «России нужна сильная команда. Такой командой может быть только идейная позиция. Вокруг денег или личных отношений никогда не соберется сильной команды государственного масштаба. Чтобы появилась настоящая многотысячная команда единомышленников, требуются годы идейной борьбы и лишений. Сегодня такой команды нет и в помине. Следовательно, замахиваться на такие серьезные задачи, не имея сил, значит дискредитировать идею». Но в том и беда, что в стране не задействованы интеллектуальные силы России, которые могли бы открыто и развернуто изложить свои взгляды на будущее державы. Известно, что Православная церковь мечтает о создании политической партии совместно с другими гражданскими движениями. Однако общественность не располагает возможной программой такой консолидации. Кроме того, такой шаг побудил бы представителей других конфессий к интенсивной политической деятельности. Насколько такой прогноз реален и каковы его последствия таких решений? Но мы не можем отвлечься от того факта, что в зарубежных странах Россия оценивается как страна главным образом атеистическая, безбожная. Поэтому устранение данного стереотипа могло бы значительно улучшить имидж России.

Еще одна сторона проблемы — интенсивность идентичности. Вспомним, что Америка как государство — «искусственное образование». Америка была основана европейскими переселенцами, которые в массе своей были белыми британцами и протестантами. Именно их философия, их традиции, их культура зародили основы американского общества. Они-то и определили вектор исторического развития России. Белый цвет кожи, британское происхождение, протестантизм, независимость — таковы основные элементы американской идентичности в XVII и XVIII в. В последние годы XIX в. этнический элемент идентичности был расширен и включал в себя не только англичан, но и немцев, ирландцев и скандинавов. Все это свидетельствует о том, что американская нация чрезвычайно хрупкая. Она более уязвимая, чем европейские нации. По этому поводу Хангтингтон, говоря об американской нации, подмечает, что она, подобно домам переселенцев, выстроена из дерева, а не из камня или бетона. В России же есть почва для строительства национального государства.

Гуревич П. Но вот социолог Бызов считает, что от русского пути остались только одни фрагменты. Он пишет в «Литературной газете»: «Есть русская нация? Не как социально-биологическая популяция, а как носитель цивилизационной идентичности, в которую включаются «кровь», то есть выработанный веками в России генофонд, и «почва», включающая в себя культуру, традиции, архетипы. Что, собственно говоря, представляет собой тот

самый человеческий материал, так туго стягивающийся в современную нацию?»

Луков В. Говоря о возможностях улучшения имиджа России, мы постоянно эксплуатируем уже давно известные трафареты. Ссылаемся на особенность российской ментальности, отмечаем враждебность русскому характеру потребительских установок. Что же касается будущего России, то оно мыслится как результат «управленческого пинка». Однако отвлеченные менеджеристские схемы не прилагаются к современным ментальным навыкам россиян. Возьмем, к примеру, идею модернизации, о которой сегодня говорят с таким энтузиазмом. Мы даже не знаем, каковы ценностные установки современного поколения. Имеются ли в нашей стране хоть какие-нибудь предпосылки для технического рывка? Как можно в этих условиях осуществить коренную перестройку экономических отношений? Или, допустим, провести полную техническую реконструкцию народного хозяйства? Не является ли лозунг модернизации страны очередным насильственным проектом, не увязанным с российской ментальностью? Вряд ли такой проект может обеспечить улучшенный имидж России.

Гуревич П. Мне кажется, что наше обсуждение показало актуальность и значимость затронутой проблемы. Тема идентичности захватывает в свою орбиту, как мы видим, весьма внушительное множество мучительных и болезненных процессов. Власти, разумеется, заинтересованы в изучении этой проблемы. Предполагается, что роль России международных делах оказывается все более весомой. Однако историческая миссия нашей страны реализуется недостаточно эффективно, и не только потому, что образ России демонизирован, искажен средствами массовой информации США и других государств. Только за последние годы стало ясно, что без формирования нового имиджа России не удастся реализовать исторические задачи. О своем имидже заботится каждое государство, имея в виду как репутацию среди граждан собственной страны, так и среди и среди зарубежной общественности. Во втором случае мы имеем дело с международным имиджем.

Со времени написания Н.Я.Данилевским книги «Россия и Европа» прошло 140 лет. Однако ее основные идеи и сегодня актуальны. Он размышлял о том, почему Европа не признает нас своими? Почему она видит в России и славянах вообще нечто ей чуждое? Русский философ не считал, что следует рассматривать Запад как полюс прогресса, а Азию как полюс застоя и коснения. Он правомерно предлагал различать степени развития от типов развития. Он искал возможности для развития цивилизации как самобытного культурно-исторического типа. Положительный имидж страны помог бы закрепить некоторые политические успехи страны, усилить конкурентные возможности, облегчить практические действия в отношениях с другими государствами.

Обсуждая неотложные финансовые и экономические вопросы, мы относим все, что связано с идентичностью, к разряду менее злободневных дел. Между тем, успешное развитие Китая напрямую связано с тем, что власти этой страны начали именно с феномена национальной идентичности. Они не бросились безоглядно в пучины западных реальностей, сулящих несомненное

благоденствие. Вместо того, чтобы расчищать поле для расширения демократии, китайские власти заговорили о неоконфуцианстве, возрождая культ послушания, усердия, труда. Вместо того, чтобы услаждать китайцев прелестями американской массовой культуры, проявили обостренный интерес к национальной художественной практике. Вместо того, чтобы вносить свою лепту в поток международных коллизий, стали укреплять собственную мощь и заставили считаться с растущим авторитетом этой державы. У нас нет таких глубоких и развернутых исследований о российской идентичности, как, скажем, книга С.Хантингтона «Кто мы?», на которую мы ссылались во время нашего обсуждения темы.

Мы не осознали, что идеологическая риторика суверенной демократии, геополитической влиятельности России нуждается не в грозных заявлениях, а в успехах реальной хозяйственной и культурной жизни. Мы так и не смогли напугать мировую общественность «суровой отповедью», потому что не нашли наиболее эффективных способов выхода из кризиса. Тогда мы отдали дань другой крайности и стали заложниками эйфории, рассказывая городам и весям, какими мы хотим стать благодаря умной экономике, взвешенной политике, модернизационному прорыву.

В психологии, как известно, есть два понятия: Я — реальное и Я — идеальное. Можно сколько угодно рисовать образы будущего процветания, не подкрепленные здравым смыслом, конкретной прагматикой, общим энтузиазмом народа. Лозунг «Вперед, Россия!» не всколыхнул страну, не обострил поляризацию общественных сил, не увлек граждан. Слово прозвучало, но не отозвалось ровным счетом никак. Дежурная мобилизационная готовность не пробудила общественную мысль, не вызвала радостного оптимизма. А чему радоваться, когда говорится о президентском кадровом резерве, а из недр выскакивают те же губернаторы с подмоченной репутацией или директора вузов, прославившиеся только тем, что укусили милиционера за палец. История— великая насмешница. Она не прощает глупости, социального фантазерства, идеологического бахвальства. Мы толкуем о модернизации, но при этом не отдаем себе отчета в том, что она принципиально невозможна без смены идентичности. Никакие инновационные рывки невозможны без преобразования национального сознания. Дело вовсе не в том, что в случае провала инновационной стратегии темпы развития России окажутся не столь высокими, место России в мировой структуре не столь желаннее, а уровень жизни намного ниже обещанного.

Драматизм ситуации гораздо глубже. Мы можем говорить сегодня об эрозии национальной идентичности. Историческая миссия нашей страны реализуется крайне неэффективно. И дело не только в том, что образ России демонизирован, искажен средствами массовой информации. Без формирования нового имиджа России мы не сможем реализовать исторические задачи. Более того, мы стоим перед реальными историческими угрозами. На международной арене все отчетливее складывается образ России как страны третьего мира, которая не способна разрешить свои экономические, демографические, социальные, этнические проблемы.

Более четырех столетий назад Русь не была субъектом мировой политики. Ее судьбой во многом распоряжались другие страны. Но вот мы рискуем снова оказаться в этой неразличимой бездне. Западные политики начинают понимать, что Россию вовсе не обязательно побеждать или завоевывать. Ее можно скупить с помощью коррумпированных чиновников, африканизировать ее. Немыслимые, даже по нынешним меркам, богатства России вызывают необоримое желание растащить ее по кускам, превратить ее в сырьевую колонию.

Каковы те факторы, которые формируют (или могут формировать) российскую идентичность. Во-первых, страна огромна и по населению, и по географии. Как удержать эти масштабы? Одного сырьевого ресурса здесь явно недостаточно. В этой нише невозможно прокормить страну, обеспечить занятость населения, совершить технологический прорыв. Во-вторых, Россия — геополитична. Она встроена в структуру мирового порядка. В-третьих, она поликонфессиональна. Это весьма важный признак в свете «столкновения цивилизаций». И, наконец, Россия амбициозна.

Идея мессианства прочно укоренена в нашем национальном сознании. Мы хотим не только развиваться, но также увлечь человечество нашей исторической судьбой, нашими возможностями. И хотя это идеологическое искушение принесло стране огромные издержки, оно все еще занимает умы России. Уникальность России в ее географии и размерах. Огромны запасы внутренней духовности, которую создали православие и русская культура. Но для того, чтобы создать новый имидж России, нужен нравственный подвиг народа.